

КОРОБЕЙ

П Р О

ЗВЕРЕЙ

АНТОН Коробейко
Коробей. Про зверей

«Автор»

2025

Коробейко А.

Коробей. Про зверей / А. Коробейко — «Автор», 2025

"Коробей. Про зверей" — короткая выдуманная повесть Антона Коробейко, написанная в реалистической манере. СЮЖЕТ Книга рассказывает о мире дрессированных животных: мышей, тигров и львов, где звери оживают в необычных, фантастических ситуациях. История сочетает юмор, абсурд и наблюдения за поведением животных, создавая яркий, запоминающийся нарратив. ТЕМЫ И СТИЛЬ Автор фокусируется на взаимодействии человека и зверей, подчеркивая их характеры через призму цирковой или повседневной жизни. Проза лаконична, с элементами сатиры, что делает текст легким для чтения. Идеально для любителей короткой прозы о животных.

© Коробейко А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие	6
Лев	7
Дрессировщик львов	9
Мышка	11
Дрессировщик мышей	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Антон Коробейко

Коробей. Про зверей

Я здесь не для вашего развлечения. Это вы для моего».

Джонни Роттен

Предисловие

Уважаемые читатели!

И те, кому читают читатели. И те, кому читатели рассказывают, то, о чём они прочтут или то, о чём прочитали.

Попытаюсь вкратце объяснить вам всё происходящее ниже, чтобы не вызвать недоумения, или каких-то ложных воспоминаний, или неясных невыраженных чувств.

Они потребуют объяснений, а я не смогу вам их предоставить просто потому, что у меня на это не будет времени или возможности.

Потому что я жив, и существую, и, поэтому, ограничен всем своим существованием. Ограничен именно в тех рамках, которые, с другой стороны, дают мне возможность быть свободным в той мере, в которой я свободен.

Именно эта относительная свобода и даёт мне право на подобное высказывание, и, в конечном счёте, кокетство. И так как я, судя по всему, не рассказывал ни о чем подобном прежде, я хочу воспользоваться этой моей возможностью.

Наверное, единственное, про что я хочу сказать больше всего, так это про то, что почти всё описанное ниже является плодом моей фантазии, чем я, в принципе, горжусь.

Связаны эти мои слова с тем, что если мы вспомним то, что сказал великий, величайший Микеланджело (его высказывание повторяет Роден) о ремесле скульптора, это сразу даёт нам некую пищу для размышлений. Он говорил о нём, как о простейшем ремесле, потому что, якобы, он берёт и отсекает от куска мрамора всё лишнее.

И вот ремесло, скажем, писателя проявляется ровно наоборот.

Заключается оно в том, что некое девственно чистое пространство листа (предположим), или множества листов надо заполнить некоторым количеством знаков.

В меру осмысленных, связывающихся в слова, слова в предложения, предложения во фразы, и так далее до конца.

То есть если в первом случае – это вычитание, то во втором сложение, или даже умножение, если в первом – это анализ, то во втором – синтез, определённо так.

И вот именно это и позволяет, во-первых вполне уверенно назвать мне себя истинным и полноценным Творцом (то есть создателем в самой полной мере), во-вторых (и это главное, конечно) даёт возможность полностью отрицать какие-либо столкновения с действительностью.

Иначе возникает уже какая-то вовсе смешная тень тени, и всё перестаёт иметь вообще какой-либо смысл.

Это довольно странно. Может быть, это и попахивает и гордыней, и какой-то неуместной самоиронией, но всё не так, не так... всё... иначе.

Я всё прочнее и прочнее встаю на позиции солипсизма, и еще раз скажу, и я это утверждаю ответственно – я и есть Творец и создатель этого мира, мира, который существует только в моём представлении.

Вот и всё – предисловие очень краткое. Читайте дальше, история начинается. Спасибо.

Лев

Начинался день.

Дни начинаются в темноте, и заканчиваются в темноте – и это обычное дело для стандартного утра зимой.

И нет никакого пения птиц, шороха листьев или каких-то других звуков. Густая и темная молчаливая тишина встаёт за окном полновластно, уверенно, крепко.

Нет даже намёка на какой-либо другой вариант утреннего возвращения к бодрствованию. Ты вернёшься в этот мир только так – лишенный опоры и почти лишенный веса (тело находится в горизонтальном положении).

Ничего не напоминает?

В детстве Лёва очень хотел стать астрономом.

Отчасти это было связано с тем, что ему сильно нравился Звездочёт из «Приключений Буратино» – фильма, который он страстно любил.

Он часами мог вглядываться в темное небо, особенно ясное в морозные длинные зимы.

Когда ковш Большой Медведицы, вращаясь, вставал в участок неба между двумя домами – пятиэтажным, где жил Лёва, и девятиэтажным – закутанный, толстый, как бочонок, с предательски наезжающей на глаза шапкой-ушанкой – Лёва застывал.

Уставившись в небо, не дыша и не моргая, он стоял, пока сине-красно-желтые переливающиеся искры, мигающие в морозном воздухе, не заполняли все его существо.

Звезды двоились, их становилось все больше.

Слабо различимые маленькие звезды, свет которых затмевался тусклым желтым или бледно-фиолетовым химическим светом фонарей, помигивая, проявлялись на небе, как на фотографии. Их несильный свет оставлял свой слабый след на сетчатке глаз тех, кто хотел их видеть.

Никогда нельзя было запомнить, где и какое созвездие стоит, и даже – как оно называется. Как оказалось, звездное небо поворачивалось, и за ночь – и ковши, и какие-то другие созвездия – меняли свое положение до совершенной неузнаваемости. К тому же, у Лёвы не было атласа звездного неба – по малолетству он даже не знал о его существовании, а подарить его было некому.

Вообще, Лёвой никто особенно не занимался, никто не узнавал – что ему интересно. Он жил своей маленькой жизнью, где-то на обочине жизни больших людей.

Когда он вспоминал об этом, засмотревшись глубоко в черную бездну неба, в это вечное абсолютно безразличное к маленькому человечку вечное кружение, то вдруг встряхивался. И, пройдя по короткой заснеженной дорожке к парадной, открывал рукой в вязаной варежке дверь, и шел домой.

Однажды Лёве приснился удивительный сон – в этом сне он так же, как и обычно, выходил из парадной, поднимал голову вверх и, вдруг, видел вещи настолько странные, что захватывало дух и становилось даже страшно.

В небе, обыкновенно черном и безупречно ясном – такие ночи были раньше довольно частыми в городе, где Лёва родился (это сейчас все заволкло какой-то удивительно постоянной и непроницаемой серой мутью) – появились огромные и удивительные планеты и созвездия.

Самыми заметными были две огромных планеты – одна красно-желтая, полосатая, с кольцами, как у Сатурна, была яростной и грозной.

Вторая, меньшая по размерам, была багрово-красная, с разводами, какие бывают от акварельных красок, которыми Лёва рисовал в детском садике.

Они весомо и даже как-то неприятно угрожающе висели в воздухе, плотные, настоящие. Звезды сияли самым невероятным образом и были ярко, ощутимо цветными.

Все планеты и звезды были, как будто впаяны в громадные куски чёрного, но прозрачного янтаря и застыли в небе неподвижно. Ни шороха, ни дуновения ветерка не чувствовал Лёва, стоя всё это время с задранной головой.

«Регул... Регул!» – послышались вдруг крики. Но откуда они были, и кто это кричал – он не понимал. Вдруг одна из звёзд начала сильно расти – прямо на глазах, там, близко от Луны. Было непонятно, взорвалась она, или приближается, но что-то это, определенно, значило. Это было так страшно, что даже во сне Лёва повернулся спиной, чтобы побежать домой.

Сон всё длился, длился и длился. Так всегда бывает во сне – в самые страшные моменты ты вообще ничего не можешь сделать. Только застываешь в нелепом, но совершенно полном оцепенении. Ни шага, ни спасительного движения – ничего этого предпринять нельзя.

Тогда ты и ощущаешь самую настоящую беспомощность...

И, вдруг, сон закончился. Лев проснулся в своей кроватке, встряхнулся, и совершенно забыл всё, что он видел.

Время неуловимо сдвинулось – и вот Лёва иногда продолжал видеть этот же сон – но его кроватка уже не была детской кроваткой – это была уже довольно большая кровать, а сам Лева был уже довольно взрослым человеком.

Вот и сейчас, в очередной раз после этого сна Лёва вскочил, даже, можно сказать, подпрыгнул с постели – он в очередной раз ничего не запомнил, но всё в нем кипело. Он побежал в душ, скоренько позавтракал, прихорошился, тряхнул шевелюрой – и побежал на работу.

В цирк.

Дрессировщик львов

Он никогда особенно и не любил-то этого занятия.

Просто так получилось, что этой профессией занимался его отец – цирковой дрессировщик. Они всё время куда-то колесили и где-то бывали. Его отец всё время был на сцене, и даже придумывал и ставил новые номера, а он, как мог, помогал отцу – как и его мать.

Она до старости лет выходила в трико диких цветов с перьями, и делала красивые жесты руками, принимая красивые и соблазнительные позы, выступая ассистенткой в номерах его отца.

А если говорить про него самого, то ему бы надо было бы выбрать себе какое-нибудь другое занятие или профессию.

Всё-таки не все династии оказываются по-настоящему стойкими. Часто родители и их дети занимаются разными вещами – и ничего зазорного в этом нет.

Но чем заняться – он подумать не успел, как следует, а отец его как-то внезапно – раз – и умер. Он так остался с матерью большим и одиноким ребенком: остались они вдвоём, после отца осталось несколько зверей – и всех их, включая его самого, его мать, трёх тигров и двух львов – всех их нужно было трудоустроить.

На семейном совете с матерью он взял инициативу на себя, договорился с директором цирка, и уже на следующий день вышел на арену.

Работа сама по себе была не очень трудоемкой – он не сильно уставал. Кроме того она была и не очень опасной.

В тот, скажем, момент, когда он совал льву в пасть свою голову, лев был сытым, и на зубы ему были одеты никому не видимые пластмассовые шарики, которые не позволяли льву никого поранить.

Больше того – в пасть льва незаметно вставлялась распорка, которая не давала ему закрыть пасть.

Примерно то же самое было с каждым трюком, который Дрессировщик выполнял со своими зверями – это и «В клетке с семьей львов», и «Трое на одного», и «Ослепительный вальс «На сопках Манчжурии» с манчжурским тигром», и «Тигр и лев – против дракона».

То есть, если он чем-нибудь и рисковал, так это тем, что на представление придет недостаточное количество людей, и ему сократят зарплату.

А полученных денег иногда могло только-только хватить на мясо зверям.

(И на маленький кусочек себе, если уж на то пошло. Кстати, а вы знаете, что зверей кормят не только мясом, но и овощами, и кашками тоже.

И что же делать, если на деньги от представления можно еле-еле, как-то с грехом пополам, купить им немножко еды?

А то, что звери, голодные звери плачут как дети – вы знаете? Вот в таком расположении духа он иногда выходил на арену).

И вот однажды после одного из представлений поздно-поздно вечером, даже уже ночью он выпил рюмочку и решил позвонить и пожаловаться на жизнь своему старому приятелю, закадычному другу – Дрессировщику мышей.

Скорее даже старшему другу, ведь тот был еще другом его отца, а теперь, после смерти отца достался как бы по наследству.

Но он всё равно был ценным и хорошим знакомым, часто просто больше чем знакомым – он давал умелые и точные советы, он мог ободрить и успокоить даже в самые тяжёлые моменты...

Дрессировщик мышей работал в каком-то закрытом НИИ, связанном с Минздравом (да и не только с ним), где дрессировал ... мышей.

Как вы понимаете, дрессированные мыши в цирке невозможны – в цирке их просто не бывает.

А знаете почему?..

Их плохо видно с высоких рядов...

В Институте же дрессированных мышей использовали для целого ряда экспериментов – в тестах на сообразительность (по ним измеряли минимальный уровень сообразительности. Хотя по этому показателю они иногда обходили даже некоторых сотрудников правоохранительных органов).

А кроме того ходили осторожные слухи (шепотом, втихомолку – никто не говорил об этом громко), что и министерство обороны положило свою крепкую руку на этот проект (с дрессированными мышами), и что были сформированы целые несколько больших отрядов этих зверей.

Вот, например, отряд боевых мышей-десантников, которых можно было бы потихоньку (без особых даже трудностей) высадить в любом удобном месте для того, чтобы они нанесли максимальный ущерб потенциальному противнику.

Они перегрызли бы кабели связи, перевернули бы всё вверх тормашками, погрызли бы важные бумаги, ну то есть навели бы максимальную сумятицу и хаос.

А самым страшным детищем института был отряд «Смертельных адских» мышей-камикадзе, готовых пойти на всё, и по первому же щелчку исполнить самый сложный и строгий приказ, вплоть до физического уничтожения кого угодно.

Они носили на себе массу смертельного оборудования, взрывчатку, такие чудеса, которые даже трудно представить. Они проходили в таких местах, в которых некому было появиться кроме них. Самые загадочные факты истории и нераскрытые преступления, самые яркие события и имена связаны именно с этим отрядом. (Вы сами понимаете, о чем я говорю...)

И надо сказать, что на этот отряд, на это любимейшее детище боссов не жалели ни денег, ни других средств.

На этот отряд, в частности, работали два специальных цеха в НИИ микроприборов (изготовители думали, что это какие-то образцы. Толком-то никто ничего и не знал).

Мыши уже резали автогеном, сверлили, вырезали стёкла алмазными резаками.

В общем и целом, отряд был серьёзный и безжалостный...

И вот дрессировщик львов снял трубку телефона, набрал цифры...

Несколько секунд спустя ему ответил знакомый голос Дрессировщика мышей....

Голос у него был высокий...

Мышка

Мышка родилась в маленьком городке на юго-западе России, недалеко от Воронежа, Курска и Белгорода.

У них там был свой огромный мясокомбинат. И эфирный завод был, который со временем превратился почему-то в целый всероссийский завод майонеза и подсолнечного масла. Крупный, даже один из крупнейших.

Ещё там (в этом городе) делали и мелки. Мелки, которыми все в школе пишут и писали на доске, решают какие-нибудь задания или доказывают свои доказательства.

Мышуня была тихой девочкой, очень скромной и послушной. Выросла она в семье, где детей было несколько – у неё был один старший, и один младший брат. Поэтому жизнь её была нескучной – ей всегда было с кем поиграть, правда, эти игры ей не всегда нравились.

Один раз она играла с братьями в белых и красных – её назначили белым, а братья были красными. Поиграли они недолго, Мышуню привязали к стулу, и, победив таким образом, оставили.

Мышь рыдала на этом стуле, звала маму, и когда мама нашла её в таком положении, то устроила братьям такую взбучку, что братья играть с нею перестали...

До 14 лет она играла в куклы.

Когда Мышке исполнилось 17 лет, она поехала в большой город – там она хотела выучиться, а может остаться, если получится. Итак, первый вопрос, который встал – куда же поступать?

Ничего не было ясно. С профессией она не определилась, навыков никаких особенных не имела, и хотя мать Мыши хотела отдать ее в институт текстильной промышленности (непонятно почему – она никогда не шила, да и не испытывала к тряпкам никакого особого почтения), у неё было какое-то своё мнение на этот счёт.

Она взяла документы, и совершенно неожиданно подала их на биолого-географический факультет педагогического университета.

Дело было даже не в том, что ей хотелось быть учительницей географии или биологии, а в том, что ей нравилась сама мысль – мечтать и рассказывать о далеких странах, о захватывающих интересных путешествиях, о неведомых растениях и зверях.

Потом сам род работы – работа с детишками – ей тоже нравился. Мышуня спокойно относилась к детям, умела заставлять их заинтересовываться чем-то и повиноваться ей, признавая за ней законное право своего детского лидера.

Она с охотой помогала всем, кто чего-нибудь не понимал, подтягивала отстающих. В общем, с этими спиногрызами у неё всё получалось само собой – так что ничего трудного для себя она не видела.

Экзамены были несложными – она поступила легко, с первого раза. Так складывалась её судьба.

Именно потому, что её профессия была такая специфическая, то и учёба была такой же. Ничего странного, но уже и по учёбе Мышка должна была много ездить.

Её практики проходили в лесу, где они учились выполнять разные задания: биологические – сбор гербариев (и так далее), географические – например, геодезические замеры на открытой местности, или раскопки шурфов.

(Раскопки – это вообще такая титаническая работа, после которой оставались глубочайшие вырытые ямы, наглядно демонстрирующие послойное состояние грунта).

Этих ям стоило даже беречься. Например, на очередном праздновании чего либо, можно было легко отойти в лес с какой-нибудь естественной потребностью, и, неожиданно для себя, приступить, так сказать, к изучению геологии.

Хорошо если это кончалось без травм и быстро – извлечением всей группой из ямы неудачливого путешественника.

Однажды, в одну из практик её даже занесло далеко-далеко.

Или чтобы точнее было – не занесло, а её туда направили, вместе со всеми однокурсниками. Получилась целая выездная бригада, которая проехала за Екатеринбург и Челябинск, за Новосибирск и Красноярск, в Иркутскую область.

Поездка была интересная, они даже не ехали на поезде, а летали на самолете. А по конкретным местам добирались на попутках – программа была развёрнутая.

Там, в глубине огромной страны, там, где была тысячелетняя тайга, однажды ночью Мышуня вдруг встала, вытянувшись во весь рост, запрокинув голову. Что её поманило и позвало, она не знала, но какая-то неведомая сила словно вздернула её, поставила на ноги, как тряпичную куклу.

И внезапно сам воздух вокруг неё начал оплывать и задрожал, так, как это бывает в пустынях, когда вдруг начинают перемешиваться целые слои воздуха.

А вслед за ними и реальность стала вдруг текучей. Абрисы вещей и даже их границы начали колебаться, как будто они плавались, вместе с окружающим их миром. Всё вдруг стало зыбким и непрочным.

Безумные мысли как белки в клетке метались у неё в голове.

«Что это? Что же это? Как же это так? Я такая молодая – а меня уже срывает куда-то?» – вдруг такая мысль блеснула в голове. Отчего именно такая, неясно, но такая.

Она уставилась вдруг в звёздное-звёздное небо – она стала очень милой и очаровательной, очень незащищенной – но ничего с неба ей не отозвалось.

Ни звезда не упала, не раздалось никакого хрустального звона – небо было просто огромным бескрайним пространством с точечками звёзд, изредка помигивающими от колышущегося где-то далеко или высоко воздуха (это Мышь знала).

Прошло мгновение, потом ещё одно. Поплывший воздух и странное помутнение окружающей её действительности стало проходить понемногу само собой.

Так, не найдя для себя знака и никакого отклика, она поняла для себя только то, что, скорее всего, небо пока устроено не для нее. Больше того, все интересы Мышуни были сосредоточены здесь, на земле.

И, поскольку, Мыша была нелетучая, то она на этот счёт надолго успокоилась...

Хочу пояснить, для того чтобы это было понятнее и яснее виделось – все эти истории из жизни Мыши сами собой складывались в целостную картинку.

Это само-осознание и самоопределение, как маленькой серой мышки, сложилось у неё как-то само по себе довольно рано, и настолько её устраивало, что эту мысль она носила с собой всегда и везде.

Она была человек очень беспокойный – никогда не сидела на месте ровно, всё время ёрзала, что-то придумывала для себя и для других – какие-то занятия, работы, что-то ещё.

Показательно здесь будет то, что она и сама без работы никогда не сидела – перерывов в её трудовой биографии не было. Мышуня всегда находила места для того, чтобы натаскать зернышек в норку.

То есть она была очень динамичным человеком. Находилось всегда что-то новенькое, придумывались новые дела и увлечения.

И вот однажды на день рождения ей подарили мышь.

С чего это??? И как??? Не до конца ясно. Она и не просила никого...

Сделал это один её знакомый, цирковой артист. Она даже толком и не знала, чем он занимается, они пару раз виделись на каких-то вечеринках друзей. И вот однажды, узнав, что у неё день рождения (уже был, но был только что), он быстро куда-то смотался.

По приходе он рассказал:

«В цирке я дрессировщик. Я работаю с крупными зверями и знаю их повадки, их характеры. С ними очень интересно работать.

Я их очень ценю, люблю и уважаю, и именно поэтому решил тебе подарить настоящего зверя, для воспитания. Кроме того, тебе никогда не будет одиноко, и всегда будет, чем заняться. Бери, владей, и не обижай её».

После всего сказанного он вытащил из-за спины клетку с мышкой, и всучил пару пачек корма – на первое время...

Видимо, по ней сразу было видно то, что она Мыша, а по общеизвестному мировому закону подобное должно притягиваться к подобному.

Мышь подарили белую, с маленьким розовым хвостиком, смешной мордочкой с усиками и розовыми глазками. Ей сразу присвоили имя Марфуша и дали погрызть еды.

Марфуша показала себя особой спокойной и чистоплотной – то есть вызывающей у окружающих доверие и симпатию. Она мало ела, мало возилась у себя в клетке, иногда резвилась на купленных для этого приборах – в колёсике, на лестнице и турниках.

Однако мордочка её была отчего-то грустновата. Хозяйка задумалась, и вся эта ситуация вылилась в поездку Мышуни на птичий рынок.

Торговля там шла бойко, и было море интересных вещей – щенки разных пород, котята, коровьи шкуры безразмерные – в общем, много всего.

Где-то в Интернете Мыша вычитала, что Марфуша будет грустить без социального партнёра, следовало купить ей соседку – и вместе они бы развлекались вдвоем, и им было бы нескучно (про мышей – социопатов науке и народной молве до сих пор известно не было).

Поиск такой социальной партнерши и стоял жирным вопросом на повестке дня. Мышуня сделала два круга по рынку, и, наконец, остановилась, у особенно большой клетки с мышами.

Все знают этот непреложный закон – чем больше клетка, тем больше мышей в ней живёт. А чем больше мышей – тем лучше знакомы продавцы с их повадками, и значит опытнее с мышами.

Продавцы оказались очень словоохотливыми, и сразу же нашёлся интересный вариант: у них обнаружился мышенок кобырного вороного окраса редкой породы (так, в общем и целом, его охарактеризовали).

Этот вариант Мыше и предложили. Ей сразу же объяснили, что сексуальный партнёр в 3 раза лучше социального, что продолжительность жизни мышей удваивается после родов – то есть положительные факторы все были налицо.

Мышонка тут же продали. «Марфуша на должна быть одна!» – так решила её хозяйка.

Мышонка не назвали никак – он был просто Мышонок. Он был чёрный, и, как выяснилось, он ПАХ, но это оказалось его неотъемлемым качеством, с которым пришлось смириться.

Первое же, за что он принялся в новом для него доме, с которым он быстро освоился (как это будет видно дальше), была Марфуша. Она пыталась скрыться от Мышонка, попискивая от неудовольствия, но он загнал её в домике в угол – и надругался над нею по-своему, то есть по-чёрному.

Так они и зажили.

Первый приплод мышей случился через три недели. Второй еще через три. Оценив скорость и количество второго приплода, Мыша поняла, что скоро станет счастливой обладательницей целой комнаты мышей, и сможет продавать их ведрами (с вопросом «Вам сколько лопат мышей надо? Две-три?»).

Однажды один мышонок сбежал. Надо было его срочно поймать – но как? Не в мышеловку же – никаких смертей нам не нужно было.

Мышуней был вычитан и реализован экзотический, но очень действенный (судя по описаниям и отзывам) способ. Надо было свернуть плотную бумагу трубочкой, а внутрь её положить приманку, например сыр. И в момент, когда убежавший заберётся туда, чтобы покушать, его надо было поймать.

Три ночи Мышуня сидела в засаде. От страха она ещё свернула газетку, чтобы отбиваться от бешеного беглеца в случае, если тот нападёт на неё. Засада провалилась. При этом, еда была неизменно съедена каждое утро.

Эта история могла длиться и длиться, но закончилась как-то на удивление просто и быстро.

В один прекрасный день Мыша застала беглеца сидящим рядом с клеткой.

Может быть, родственники как-то прикармливали его на свободе? Или он соскучился по своим? Неясно.

В любом случае, Мыша исхитрилась его поймать – мышонок-беглец прыгал, как чёрт (ловко и непредсказуемо) в разные стороны, но, в конце концов, его схватили, и поместили обратно в клетку.

Что-то надо было делать... Ситуация перерастала в критическую.

Сначала клетку с тремя поколениями мышей попытались сдать в ближайший зоомагазин, причём вопреки корыстному замыслу молодого человека Мышуня о сдаче мышей за какую-то денежку, за деньги взять отказались.

Чуть не дошло до того, чтобы уговорить взять клетку с мышами, и приплатить за то, чтобы взяли.

Но потом получилось сплавить весь мышиный приплод в какой-то научный институт для экспериментов.

Так Мышуня рассталась с Марфушей. Было грустно, но, в общем, Мыша была рада, что эта ситуация как-то решилась...

Без Марфуши жизнь Мышуня была уже не такой интересной.

Но однажды зимой, сидя темной ночью у окна, скучая, Мышуня снова вскинула голову наверх, как когда-то давно, как будто ей снова послышался какой-то звук.

И неясно, что это был за звук – то ли какой-то звон, то ли надтреснутый чей-то высокий голос, но этот звук вдруг снова заставил Мышу что-то вспомнить такое, что выходило уже за рамки нашего с вами земного опыта...

И всё изменилось...

Дрессировщик мышей

Голос у дрессировщика мышей был высокий...

Он был человек немолодой, даже старый, но голос у него остался высоким на всю жизнь, и даже в зрелом возрасте он не скрипел и не рычал.

И это было хорошо. Это сильно помогало ему в работе.

Это связано, конечно, с физиологией этих животных. Как вы понимаете, сердце мышки бьётся в десятки чаще, чем ваше. Это крохотное создание делает сотню движений, пока вы делаете только одно, и быстрее вас даже в простейших движениях и реакциях во много-много раз.

Вы для нее великан – медленнодвигающийся великан (именно поэтому мышку так трудно поймать) и голос ваш звучит для мыши низкими раскатами грома, звуками на грани слышимости. Этаким мышиным инфразвуком, от которого она дрожит и трясется.

В таком случае, если говорить баритоном или басом, мышь вас не слышит и не понимает, и вы (увы) профессионально непригодны.

Только если ваш голос похож на детский, или он очень высок – вы можете входить с ними в контакт, разговаривать с мышами, чему-то их обучать.

Мыши этого дрессировщика были очень разумными. Настолько разумными и послушными, что него никто и никогда не попадал в Зоопарк.

Они всегда слушались его – никто никогда не протестовал, не объявлял никаких забастовок или локаутов.

Нужно ходить на задних лапках, исполнять какие-то его прихоти – пожалуйста, сколько угодно. Нужно совершить героический поступок или устранить кого-то неудобного – значит нужно сделать это любыми средствами.

Но надо признать – шёрстка у мышей этого дрессировщика лоснилась.

Да и коллектив у них был – нормальный, морально крепкий – каждый мог постоять за каждого, все они были вместе, и прорытые норы мышей никогда не находились друг от друга далеко.

Итак, дрессировщик мышей присел в уютное кресло (в котором он сразу же утонул, такое оно было мягкое), положил голые ступни на пуфик и расслабился.

А стаканчик его любимого грейпфрутового сока уже был налит. Он небрежно держал его в руке, отвесив кисть.

Зазвонил телефон. К счастью он был близко, и надо было просто протянуть руку, чтобы взять его.

В трубке раздался знакомый голос дрессировщика львов. Тот долго сопел, говорил что-то незначашее, и было не очень понятно, что же он хотел и ради чего позвонил.

«Эээ... Я даже и не знаю чего рассказать... Нового ничего, всё рублюсь за новых зверей – а мне финансирование и для этих сокращают... Еле-еле тигров и львов тяну, а хочется-то чего-то другого... Вот такие дела, блин...»

Действительно, ничего нового он не сказал. Дрессировщик мышей и так давно знал, что его тигрово-львиный друг хотел бы иметь еще и гепардов, и леопардов, и даже парочку чёрных пантер. Но денег на это не давали.

Не видать ему было никаких гепардов и пантер – выделяемого едва хватало на уже существующих зверей. Но эта проблема была не новая – работник цирка звонил и жаловался ему каждую неделю уже несколько лет. Дела у него не шли...

Но настоящей причиной звонка, оказывается, было не это.

И только на пятой минуте разговора выяснилось: убили его школьного друга, как-то нелепо убили – в переулке, ни за что – почти просто так. Какой-то грабитель накрыл его друга в тупике, и убивал, чтобы ограбить.

Ограбить не получилось – у друга и не было-то почти ничего, зато убить удалось очень хорошо.

Дрессировщик львов очень сокрушался, ему надо было идти на похороны и там всех как-то крепить, да и вообще-то организовывать эти самые похороны, потому что организовать их было некому.

На это всё он и звонил пожаловаться...

Разговор длился пять минут. Но обе стороны довольно быстро потеряли к разговору интерес. И честно говоря, Дрессировщик мышей был в этом диалоге самой незаинтересованной стороной.

«Мой тебе совет – говорил он. Ты старайся, несмотря ни на что, не расстраиваться слишком сильно. Горя и сейчас хватает. Не сжигай своё сердце. Оно и тебе самому пригодится, поэтому просто крепись... крепись, давай...»

Мягко, но настойчиво он успокоил, уговорил не переживать, и спровадил своего знакомого.

Он хмыкнул, и задумался о своих делах.

Дрессировщик мышей был человеком очень мягким и интеллигентным – даром, что по образованию он был врачом.

С самых первых студенческих дней он занимался этих зверей – ставил на них всевозможные опыты, испытывал препараты, разнообразные сыворотки, да и просто изучал их реакции на те, или иные явления, предметы и так далее.

Мыши действительно представляют собой нечто большее. В маленьком тельце скрыты недюжинный ум, ловкость, цепкость, гибкость – в общем, масса и масса всего.

Конечно, дело не доходит до того, как это описал – как его зовут? Вот этот вот писатель заграничный – «Куннинкус»? Или как его там? «Робин Гуд»?

Или это другой? Как там его – «С Дедом-с»? Или – «Рядом-с»? Или «Брайан Адамс» – что – ли?

Не помню... Ну неважно.

Этот писатель предположил, что мыши-то и есть истинные повелители мира, что та маленькая мышка – это здешнее отражение огромного многомерного существа, представленного сразу во всех измерениях.

Существа настолько сильного во всех смыслах, что их цивилизация смогла даже создать суперкомпьютер для ответа на главный вопрос – в чем смысл всего-всего?

Ответ ищите сами...

Нет, мыши были не настолько сложными – хотя даже до последнего времени не удалось хоть на самую малую часть симулировать работу их мозга на самых мощных вычислительных системах современности.

Тем не менее, Дрессировщик мышей разработал и воплотил новейший способ их обучения, такую методику, которая перевернула все предыдущие технологии преподавания.

Она дала возможность глубочайшего и подробнейшего, невиданного до нашего времени обучения, она привела всё человечество на новую ступень развития, которая оживила нашу угасающую цивилизацию.

Наконец, она привела к таким всплескам творческой мысли и воли, которых не было известно до сих пор.

Азы и основы метода известны уже тысячи лет – это раннее обучение. Ведь чем раньше начать учить детей, тем больших успехов в своем развитии они достигают, и тем глубже результаты.

А если начинать с младенчества – результаты становятся просто поразительными. Но для Дрессировщика мышей это был только начальный этап.

Уже и он принёс свои плоды – мыши Дрессировщика были быстрее и умнее своих соплеменников.

Но мозг дрессировщика был пытливым, и он не задержался на этом результате – и научился воспитывать мышей уже в утробе матери.

Действительно – зачем начинать не с начала, когда можно и нужно делать это так, как тебе хочется?

Дрессировщик разработал сложнейший, не имеющий никаких аналогов программно-аппаратный комплекс.

Этот по-настоящему громоздкий агрегат с помощью инфразвука и ультразвука, лазеров и светодиодов, шёпота и криков, повторений упражнений и тренировок позволял достигать сложнейших результатов.

Его мыши уже при рождении могли распознавать образы и отлично ориентировались в пространстве, знали даже значение знаков, букв, цифр, символов и даже слов.

Это был прорыв! Сам дрессировщик, когда узнал об этом, понял, что пахнет чем-то новым, невероятным – он доложил наверх своим руководителям, и продолжал исследования.

В целом, он даже готовился опубликовать результаты этих исследований в научных журналах. Он стремился быть первым – он не видел для себя в перспективе каких-то особенных благ, и даже не мог себе представить, что какая-нибудь подачка, вроде Нобелевки станет достойным вознаграждением.

Он рассчитывал на большее. Он хотел стать новым изобретателем теории относительности или открывателем возможностей атомной энергетики.

Наконец, он хотел остаться в памяти людей, в памяти научного сообщества, и даже человечества – навсегда!

Но тот, кто находился наверху, тоже оказался не круглым идиотом. Уже после первой подачи результатов исследований все данные проекта, да и сам проект засекретили.

Результаты исследований ушли далеко наверх, и дошли до самых невероятных адресатов, вплоть до служб безопасности, внешней разведки и охраны членов правительства.

И появились новые задачи (а ведь Дрессировщик знал, что они появятся). Через неделю лабораторию Дрессировщика сильно расширили, привезли новых специалистов, оборудование, улучшили ему общую атмосферу деятельности – в общем, создали почти идеальные условия для работы.

И одно из влиятельнейших лиц (не будем называть имён и должностей – это ни к чему) так оценило его работу:

«Сейчас, именно сейчас, на переломе эпох, мы очень заинтересованы в Вашей работе. Говорят, что взмах крыльев бабочки на одном конце мира может вызвать ураган на другом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.